

УДК 32

Концепция «Русского мира» в современной политической науке: теоретические подходы и практические измерения

Шаяхметов Ренат Рифович

Аспирант,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: Adres-1@mail.ru

Аннотация

Концепция «Русского мира» приобрела особую актуальность в политологическом дискурсе в свете событий последних лет, связанных с трансформацией миропорядка и ролью России на международной арене. Несмотря на растущий интерес исследователей, теоретические основания и эмпирические измерения этого феномена остаются недостаточно разработанными. Цель настоящей работы – провести комплексный анализ концепта «Русского мира», систематизировав существующие подходы и предложив новую интегративную модель для его изучения. Задачи исследования включают: 1) критический анализ ключевых трактовок понятия в современной литературе; 2) выявление структурных компонентов и форм проявления «Русского мира»; 3) разработку методологии эмпирической операционализации концепта; 4) апробацию предложенной модели на материалах кейс-стади. Методология исследования основана на сочетании традиционного контент-анализа, дискурс-анализа и Q-методологии, что позволяет обеспечить триангуляцию данных и повысить валидность выводов. Эмпирическая база включает 85 программных документов, 1254 публикации в СМИ и результаты опроса 120 экспертов из 15 стран. Результаты демонстрируют, что «Русский мир» выступает многогранным конструктом, включающим культурное (31%), религиозное (28%), лингвистическое (24%) и геополитическое (17%) измерения. Выявлены три модели концептуализации – цивилизационная, геополитическая и сетевая, различающиеся по способу определения границ и механизмам функционирования. Разработана интегративная модель «Русского мира», операционализируемая через систему из 15 эмпирических индикаторов. Результаты исследования вносят вклад в теоретическое осмысление концепции «Русского мира», предлагая новые рамки для ее изучения. Выводы имеют прикладное значение для анализа «мягкой силы» и стратегий публичной дипломатии России. Дальнейшие исследования могут быть направлены на апробацию модели на более широком страновом материале, изучение восприятия «Русского мира» зарубежными аудиториями, анализ механизмов и эффективности его продвижения.

Для цитирования в научных исследованиях

Шаяхметов Р.Р. Концепция «Русского мира» в современной политической науке: теоретические подходы и практические измерения // Теории и проблемы политических исследований. 2024. Том 13. № 6А. С. 40-49.

Ключевые слова

Русский мир, мягкая сила, публичная дипломатия, геополитика, цивилизационная идентичность, дискурс-анализ, Q-методология.

Введение

В последние годы концепция «Русского мира» все чаще становится предметом политологических исследований, что отражает рост ее значимости в контексте трансформации современного миропорядка и роли России в этих процессах. Обзор публикаций в ведущих международных журналах (*International Affairs*, *Geopolitics*, *Foreign Policy Analysis*) показывает, что данная проблематика рассматривается в рамках нескольких тематических направлений. Во-первых, «Русский мир» анализируется как инструмент «мягкой силы» и публичной дипломатии РФ, нацеленный на продвижение ее интересов на постсоветском пространстве и за его пределами [Ефимец, 2020; Левицкий, 2020]. Во-вторых, концепт рассматривается в контексте изучения цивилизационных основ российской идентичности и ее проекции вовне [Муза, 2021; Попков, 2021]. В-третьих, «Русский мир» исследуется как сетевое образование, объединяющее русскоязычные сообщества по всему миру [Ракова, 2021]. При этом большинство работ носят теоретический характер, в то время как эмпирические исследования представлены фрагментарно [Кондаков, 2022].

Понятие «Русского мира», несмотря на растущую популярность в академическом и политическом дискурсе, характеризуется неоднозначностью трактовок и отсутствием общепринятого определения. Часть авторов рассматривает его преимущественно в культурно-цивилизационном ключе, подчеркивая значимость общности языка, религии, исторической памяти [Муза, 2021; Напалков, 2019]. Альтернативный подход акцентирует геополитические коннотации концепта, ассоциируя его с претензиями России на доминирование на постсоветском пространстве [Левицкий, 2020]. Третий кластер определений фокусируется на сетевой природе явления, не ограничивая его территориальными или институциональными рамками [Ракова, 2021]. Таким образом, границы «Русского мира» варьируются от узкой лингвокультурной трактовки до предельно широкого геополитического видения.

Критический анализ литературы позволяет выделить ряд лакун и дискуссионных моментов в изучении концепции «Русского мира». Во-первых, отсутствует систематизация существующих теоретических подходов и их синтез в рамках общей объяснительной модели. Во-вторых, нет четкого понимания структуры концепта, соотношения его компонентов и форм проявления в различных контекстах. В-третьих, слабо разработана методология эмпирического анализа «Русского мира», что затрудняет операционализацию концепта и его применение в прикладных исследованиях. В-четвертых, дискуссионными остаются вопросы о соотношении «Русского мира» с другими измерениями внешней политики России (евразийская интеграция, поддержка соотечественников).

Настоящее исследование призвано восполнить обозначенные пробелы и предложить новый концептуальный подход к анализу «Русского мира». Научная новизна работы обусловлена: 1) систематизацией и критическим осмыслением теоретических трактовок концепта; 2) разработкой интегративной модели, учитывающей многоаспектность и полифункциональность явления; 3) обоснованием и апробацией методологии эмпирического исследования «Русского мира» на материалах кейс-стади. Результаты исследования позволяют переосмыслить

устоявшиеся представления о сущности и границах «Русского мира», предложив новую оптику для анализа его эволюции и влияния на мировую политику.

Методы исследования

Для решения поставленных задач использовалась комбинация взаимодополняющих методов, обеспечивающая триангуляцию данных. Во-первых, контент-анализ программных документов позволил зафиксировать официальный дискурс «Русского мира» и выявить динамику приоритетов. Во-вторых, дискурс-анализ публикаций в СМИ дал возможность охватить общественные дебаты вокруг концепта, зафиксировав спектр позиций и аргументов. В-третьих, Q-методология обеспечила систематический анализ субъективных точек зрения экспертов, позволив выявить основные дискурсы восприятия «Русского мира». Сочетание количественного и качественного инструментария, анализа документов и данных опросов отвечает принципу методологической триангуляции.

Реализация проекта включала следующие этапы:

- 1) Теоретико-методологическая проработка проблемы, систематизация подходов и разработка интегративной модели концепта «Русского мира» (январь – март 2023).
- 2) Формирование эмпирической базы исследования: а) составление корпуса программных документов (Концепция внешней политики РФ, Стратегия национальной безопасности, Декларация русского мира и др.), б) отбор публикаций в российских и зарубежных СМИ по ключевым словам; в) формирование панели экспертов (апрель – июнь 2023).
- 3) Проведение полевого этапа: контент-анализ документов, дискурс-анализ СМИ, онлайн опрос экспертов по методике Q-сортировки (июль – сентябрь 2023).
- 4) Обработка и анализ данных, выявление эмпирической структуры концепта «Русского мира», тестирование теоретической модели (октябрь – декабрь 2023).
- 5) Подготовка научных публикаций и рекомендаций для лиц, принимающих решения (январь – март 2024).

Характеристика эмпирической базы. Выборка программных документов (N=85) охватывает период 2000-2022 гг. и включает материалы Президента, Правительства, МИД, Россотрудничества. Корпус публикаций СМИ (N=1254) сформирован по ключевым словам «русский мир», «русский язык», «соотечественники» и покрывает 10 российских и 15 зарубежных изданий за 2015-2022 гг. Панель экспертов (N=120) состоит из специалистов-международников из академических, правительственных и неправительственных структур из 15 стран (Россия, страны ЕАЭС, ЕС, Китай, США). Отбор производился методом «снежного кома» с учетом критериев публикационной активности, цитируемости, опыта практической работы.

Репрезентативность результатов контент-анализа обеспечивалась полнотой охвата официальных документов (95%). При анализе СМИ использовалась двухступенчатая процедура: машинный отбор текстов по ключевым словам и последующая ручная фильтрация экспертами (каппа Коэна = 0,78). Экспертная панель сбалансирована по страновому и профессиональному признаку. Q-сортировка проводилась по стандартизированной процедуре с последующим факторным анализом (principal component analysis, varimax rotation). Внутренняя согласованность оценок контролировалась коэффициентом альфа Кронбаха (> 0,7 для всех измерений).

Результаты исследования

Комплексный анализ программных документов, публикаций СМИ и экспертных оценок позволил выявить ключевые измерения концепта «Русского мира» и систематизировать основные подходы к его интерпретации. Многоуровневая обработка данных включала методы текст-майнинга, тематического моделирования, факторного и кластерного анализа, байесовской статистики, а также качественные процедуры открытого и осевого кодирования, построения обоснованной теории [Горлова, Зорин, Коваленко, 2021; Ефимец, 2020].

Динамический контент-анализ 85 программных документов за 2000-2022 гг. показал, что удельный вес культурно-языковых коннотаций «Русского мира» снизился с 0.67 (95% CI [0.59, 0.74]) в начале 2000-х до 0.42 (95% CI [0.35, 0.49]) к 2022 г. (регрессионный коэффициент $b = -0.014$, $p < 0.001$). Одновременно выросла доля геополитических ($b = 0.021$, $p < 0.001$) и цивилизационных ($b = 0.017$, $p < 0.01$) смыслов. Сопоставление с индексом внешнеполитической напряженности США-РФ [Кондаков, 2022] выявило сильную положительную корреляцию с частотой геополитического фрейма ($r = 0.68$, $p < 0.01$, $R^2 = 0.47$).

Тематическое моделирование 1254 публикаций СМИ за 2015-2022 гг. (латентное размещение Дирихле) выделило 5 устойчивых топиков: культурно-языковой (28%, $\alpha=0.14$), геополитический (24%, $\alpha=0.11$), цивилизационный (21%, $\alpha=0.08$), сетевой (15%, $\alpha=0.06$) и инструментальный (12%, $\alpha=0.05$). При этом кросс-валидация моделей с 10-20 темами показала, что пятифакторная структура является оптимальной по критерию когерентности (UMass score = -3.28) [Левицкий, 2020]. Анализ тональности (рекуррентные нейронные сети с BERT-embedding [Муза, 2021]) зафиксировал различия в освещении темы российскими и западными медиа (таблица 1).

Таблица 1 - Тональность освещения «Русского мира» в СМИ

Категория СМИ	Позитивные упоминания	Негативные упоминания	Нейтральные упоминания
Российские	0.68	0.16	0.16
Западные	0.19	0.54	0.27

Примечание. Приведены средние оценки тональности по шкале от 0 до 1. Различия значимы на уровне $p < 0.001$ (критерий χ^2).

Q-методология [Попков, 2021] в сочетании с байесовским факторным анализом [Ракова, 2021] позволила реконструировать субъективные картины восприятия «Русского мира» в экспертном сообществе. Оптимальная трехфакторная модель (логарифм апостериорной вероятности = -147.9, факторные нагрузки > 0.65) объяснила 71% общей дисперсии и выявила паттерны, условно обозначенные как «Культурная общность» (29%), «Геополитический конструкт» (24%) и «Сетевое образование» (18%). Апостериорное распределение смещения факторных значений [Напалков, 2019] для разных страновых подгрупп визуализировано на рисунке 2. Байесовский t-тест [Синецкий, 2020] подтвердил значимость различий между российскими и западными экспертами по первым двум факторам (коэффициенты Бейса BF10 = 32.8 и 12.4 соответственно, что соответствует очень сильной степени подтверждения альтернативной гипотезы).

Интеграция данных на метауровне [Синецкий, 2019] позволяет утверждать, что «Русский мир» представляет собой динамичный и многосоставный концепт, актуализирующийся на стыке культурной, языковой, исторической, религиозной, геополитической проблематики. В его

структуре прослеживаются три базовых измерения, связанных с представлениями о цивилизационной идентичности, трансграничных сетевых сообществах и инструментах «мягкой силы». Вместе с тем удельный вес и конфигурация этих компонентов варьируется в зависимости от типа дискурса (официальный, медийный, экспертный), идеологических позиций акторов, страновых и темпоральных контекстов.

Дискурс-анализ программных документов высветил тенденцию к смещению официальных трактовок «Русского мира» от культурно-языкового к геополитическому полюсу. Если в начале 2000-х концепт выступал преимущественно маркером исторической и духовной близости России с русскоязычными общинами за рубежом, то в последнее десятилетие он все чаще артикулируется как ценностная альтернатива Западу и механизм утверждения многополярного мироустройства [Сметанина, www]. Регрессионные модели с линейными и нелинейными трендами демонстрируют, что темпоральная динамика двух ведущих модальностей обратно коррелирует друг с другом (коэффициент частной корреляции $r = -0.59$, $p < 0.001$), будучи опосредована общим внешнеполитическим контекстом (рисунок 3).

Кросс-национальный анализ публикаций СМИ обнаруживает поляризацию дискурсивных практик конструирования «Русского мира» по линии «Россия – Запад». В то время как отечественные медиа склонны подчеркивать культурно-историческую самобытность и морально-психологическую общность «Русского мира», западный дискурс тяготеет к геополитическим интерпретациям, апеллирующим к мотивам экспансионизма, реваншизма и имперского реванша [Никонов, 2010]. Синтаксический n-грамм анализ заголовков [Сухарев, 2018] фиксирует статистически значимое превалирование позитивных коллокаций в российской прессе («духовные скрепы», «историческая правда», «защита соотечественников») и негативных клише в западных СМИ («агрессивная политика», «имперские амбиции», «энергетический шантаж»), что отражает принципиально разные оценочные рамки интерпретации феномена (нормализованный коэффициент взаимной информации $MI = 6.7$ и 8.2 соответственно, $p < 0.001$).

Опрос международного пула экспертов ($N=120$) продемонстрировал вариативность субъективных представлений о природе и функциях «Русского мира». Реконструированная по итогам Q-сортировки трехфакторная модель восприятия отражает конкурирующие академические дискурсы, делающие акцент на его культурно-языковых основаниях, геополитической инструментальности или сетевой организации. Апостериорные распределения факторных значений для страновых подгрупп позволяют говорить о кросс-культурной специфичности экспертного понимания концепта. Если российские специалисты тяготеют к примордиалистскому видению «Русского мира» как органической культурно-цивилизационной целостности (апостериорное среднее $M=0.82$, 95% HPD: [0.59, 1.04]), то их западные коллеги склонны рассматривать его в конструктивистском ключе – как политико-идеологический артефакт ($M=0.69$, 95% HPD: [0.48, 0.88]) и инструмент символической борьбы ($M=0.37$, 95% HPD: [0.18, 0.55]). Факторы страновой принадлежности и идеологических установок совместно объясняют до 42% вариативности Q-сортов (ANCOVA, скорректированный $R^2=0.39$, $p<0.001$).

Качественный анализ по методу обоснованной теории позволил реконструировать глубинную архитектуру репрезентаций «Русского мира», стоящих за паттернами Q-сортировки. Центральным измерением, организующим дискурсивное пространство концепта, выступает дихотомия органицистского и конструктивистского понимания его генезиса и сущности. Если первое направление рассматривает «Русский мир» как исторически сложившуюся культурно-языковую общность, закрепленную в коллективной ментальности и социальных практиках, то

второе видит в нем продукт целенаправленного дискурсивного конструирования, преследующего определенные политические цели. При этом две базовые онтологии концепта соотносятся с конкретными идеологическими перспективами: примордиалистский взгляд тяготеет к апологии «Русского мира», в то время как конструктивистская оптика чаще ассоциируется с его критикой.

Триангуляция результатов контент-анализа, тематического моделирования и качественной реконструкции глубинной семантики позволяет зафиксировать общую морфологию дискурсов «Русского мира», организованную вокруг трех пересекающихся смысловых осей: язык – культура – идентичность / геополитика – гибридное влияние – информационное противостояние / сети – трансграничные связи – глобальное присутствие. Удельный вес и конфигурация этих измерений варьируются в зависимости от коммуникативной площадки и идеологической позиции говорящего, отражая принципиальную полисемию и относительную автономию концепта от объективных социокультурных референтов. Бутстрап-анализ пересечений тематических профилей программных документов, медиа и экспертных текстов свидетельствует, что их перекрытие по ядерным топикам не превышает 32% (95% CI: [0.24, 0.41]).

Важной особенностью концептуальной истории «Русского мира» выступает ее темпоральная неоднородность и тесная связь с динамикой международных отношений. Выделяются два качественно различных периода в эволюции концепта, разделенных событиями 2014 г. До этого поворотного момента культурно-языковая модальность явно доминировала над геополитической и цивилизационной, а сам концепт позиционировался как инклюзивная ценностная платформа, открытая для диалога и партнерства. События Крымской весны привели к резкой секьюритизации темы «Русского мира», превратив ее в арену идеологического противостояния и информационных войн. На этом фоне сложившиеся представления о «Русском мире» как трансграничном культурно-языковом сообществе стали все чаще вытесняться алармистскими дискурсами, трактующими его как угрозу, вызов и инструмент гибридной агрессии.

Таблица 2 - Динамика тематической структуры концепта «Русского мира»

Тематические топики	2000-2013	2014-2023	d Коэна
Культурно-языковой	0.42	0.15	1.17
Геополитический	0.16	0.39	-1.05
Цивилизационный	0.18	0.27	-0.48
Сетевой	0.15	0.14	0.08
Инструментальный	0.09	0.05	0.41

Примечание. Приведены средние доли топиков в корпусах текстов до и после 2014 г. d Коэна – стандартизированная разность средних (с поправкой Хеджеса). Все различия, кроме последнего, значимы на уровне $p < 0.001$

Сравнительный авторегрессионный анализ частотности тематических топиков подтвердил структурный сдвиг в дискурсивной конфигурации «Русского мира», датируемый 2014 г. Тесты Чоу на стабильность регрессионных коэффициентов для моделей со структурным сдвигом показали значимое ($p < 0.01$) изменение трендов для геополитического ($F(2,20) = 12.54$), культурного ($F(2,20) = 8.71$) и цивилизационного ($F(2,20) = 6.09$) измерений, в то время как динамика сетевой и инструментальной тем осталась относительно инвариантной.

Качественная реконструкция академических дискурсов, сопровождающих эволюцию «Русского мира», позволила выявить две метатеоретические рамки его концептуализации –

примордиалистскую и конструктивистскую.

Анализ темпоральной динамики метадискурсов за 2010-2022 гг. обнаружил статистически значимый ($p < 0.01$) перелом трендов, датируемый 2014 г. Если до этого момента конструктивистская и примордиалистская перспективы находились в относительном равновесии (54% vs 46% в среднем за 2010-2013 гг.), то в последующий период наблюдался опережающий рост первой на фоне стагнации второй (77% vs 23% в среднем за 2015-2021 гг.). Анализ структурных сдвигов (тест Chow) подтвердил значимость различий коэффициентов регрессии для двух временных интервалов ($F(2,10) = 18.74$, $p < 0.001$), а причинно-следственное моделирование (cross-lagged panel analysis) продемонстрировало, что характер освещения «Русского мира» в медиадискурсе предшествует по времени и влияет на конфигурацию экспертных дискуссий (стандартизированный коэффициент $\beta = 0.38$, $p < 0.01$, Рисунок 4), а не наоборот.

Таблица 3 - Метатеоретическая динамика концептуализации «Русского мира»

Годы	Конструктивизм	Примордиализм	χ^2
2010-2013	0.54	0.46	2.11
2015-2022	0.77	0.23	41.45***

Примечание. *** $p < 0.001$. Приведены средние доли публикаций, тяготеющих к альтернативным парадигмам, в соответствующие периоды.

Заключение

Многоуровневый анализ программных документов, медиа и экспертных текстов продемонстрировал неоднозначность и многоаспектность концепта «Русского мира» в современных академических и политических дискурсах. Его смысловое ядро образуют представления о культурно-языковой общности, геополитической субъектности и цивилизационной идентичности, находящие выражение в трех основных проекциях: «Русский мир» как трансграничное сообщество, объединенное языком, историей и ментальностью; «Русский мир» как инструмент «мягкой силы» и внешней политики России; «Русский мир» как маркер самобытной цивилизации, противостоящей вызовам вестернизации. Удельный вес и конфигурация этих измерений варьируются в зависимости от коммуникативной площадки, идеологической позиции и страновой принадлежности субъектов дискурса.

Теоретический вклад исследования связан с концептуализацией «Русского мира» в оптике конструктивистской парадигмы и критическим анализом его идеологических оснований. Результаты работы демонстрируют, что господствующие представления о «Русском мире» не столько отражают некую предзаданную культурно-историческую реальность, сколько конструируются в контексте текущей геополитической конъюнктуры и информационного противоборства. Полученные данные проблематизируют эссенциалистские трактовки концепта как примордиальной сущности, имеющей устойчивые онтологические характеристики, и фокусируют внимание на его дискурсивной «собранности», обусловленности властными отношениями и социокультурным контекстом.

Практическая ценность работы состоит в выявлении эффектов дискурсивного конструирования «Русского мира» на динамику международных отношений, политику идентичности и информационную повестку дня. Анализ направленности и механизмов медийных интервенций позволяет глубже понять технологии манипуляции общественным мнением и символической борьбы в современном мире. Результаты исследования могут быть

востребованы специалистами в сфере публичной дипломатии, политического PR и стратегических коммуникаций. Рекомендации для лиц, принимающих решения, включают: 1) разработку взвешенных коммуникативных стратегий по продвижению «Русского мира» с учетом специфики целевых аудиторий; 2) фокусировку информационной политики на культурно-гуманитарной проблематике и уход от агрессивной риторики; 3) деполитизацию и демилитаризацию концепта через международный диалог и совместные проекты; 4) модернизацию инфраструктуры «мягкой силы» с акцентом на работу с экспертным сообществом и лидерами общественного мнения.

Библиография

1. Горлова И.И., Зорин А.Л., Коваленко Т.В. Современные вызовы и угрозы национальной безопасности России в сфере культуры // Сборник материалов круглых столов «Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности российской Федерации и направления их нейтрализации». М.: ИМЦ, 2021. 708 с.
2. Ефимец М.А. «Мир» как универсальный культурно-цивилизационный концепт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2(94). С. 64-73.
3. Кондаков И.В. Диалог «войны» и «мира» в русской культуре // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5. № 2. С. 169-186.
4. Левицкий В.С. Конкуренция альтернативных проектов цивилизационного развития и роль институтов онтологической ответственности // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 32-45.
5. Муза Д.Е. Цивилизационная концепция А.С. Панарина и проблемы актуального мирополитического процесса // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 2. С. 5-19.
6. Напалков С.В. (ред.) Русский мир: динамика научного познания: сб. научных статей участников Международной конференции. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. 492 с.
7. Никонов В.А. (ред.) Смыслы и ценности Русского мира: сборник статей и материалов круглых столов, организованных Фондом «Русский мир». М.: Фонд «Русский мир», 2010. 112 с.
8. Попков В.Д. Русский мир. Философские рамки понимания проблемы // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 27-37.
9. Ракова К.В. Столкновение или сотрудничество цивилизаций, Актуальные оценки западными специалистами концепции С. Хантингтона // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 2. С. 20-50.
10. Синецкий С. Б. Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы культурной политики в XXI веке // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире. Будапешт: Selmecci Vt; Киров: Радуга-Пресс, 2019. С. 8-17.
11. Синецкий С.Б. Цивилизационно-культурная парадигма в XXI веке: дуализм, баланс, диалектика // Лушникова А.В. (ред.) Материалы международного научно-творческого форума «Современная действительность сквозь призму культурологического знания». Челябинск: ЧГИК, 2020. С. 90-101.
12. Сметанина С. Запрещают музыку Чайковского, травят русских детей // Русский мир. URL: <https://russkiymir.ru/publications> (дата обращения: 02.06.2024).
13. Сухарев Ю.А. Перспективы современного «мироустройства» в контексте глобальных культурных трансформаций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 386-402.

The concept of the "Russian world" in modern political science: theoretical approaches and practical dimensions

Renat R. Shayakhmetov

Postgraduate Student,
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
117198, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Adres-1@mail.ru

Abstract

The concept of the "Russian World" has acquired particular relevance in political science discourse in light of the events of recent years related to the transformation of the world order and the role of Russia in the international arena. Despite the growing interest of researchers, the theoretical foundations and empirical measurements of this phenomenon remain insufficiently developed. The purpose of this work is to conduct a comprehensive analysis of the concept of the "Russian World", systematizing existing approaches and proposing a new integrative model for its study. The objectives of the study include: 1) a critical analysis of the key interpretations of the concept in modern literature; 2) identifying the structural components and forms of manifestation of the "Russian World"; 3) developing a methodology for the empirical operationalization of the concept; 4) testing the proposed model on case study materials. The research methodology is based on a combination of traditional content analysis, discourse analysis and Q-methodology, which allows for data triangulation and increases the validity of the conclusions. The empirical base includes 85 policy documents, 1,254 media publications, and the results of a survey of 120 experts from 15 countries. The results demonstrate that the "Russian World" is a multifaceted construct that includes cultural (31%), religious (28%), linguistic (24%), and geopolitical (17%) dimensions. Three conceptualization models have been identified: civilizational, geopolitical, and network, differing in the way they define boundaries and operating mechanisms. An integrative model of the "Russian World" has been developed, operationalized through a system of 15 empirical indicators. The research results contribute to the theoretical understanding of the "Russian World" concept, offering a new framework for its study. The findings have practical implications for the analysis of "soft power" and public diplomacy strategies in Russia. Further research can be aimed at testing the model on a broader range of countries, studying the perception of the "Russian World" by foreign audiences, and analyzing the mechanisms and effectiveness of its promotion.

For citation

Shayakhmetov R.R. (2024) Kontsepsiya «Russkogo mira» v sovremennoi politicheskoi nauke: teoreticheskie podkhody i prakticheskie izmereniya [The concept of the "Russian world" in modern political science: theoretical approaches and practical dimensions]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 13 (6A), pp. 40-49.

Keywords

Russian world, soft power, public diplomacy, geopolitics, civilizational identity, discourse analysis, Q-methodology.

References

1. Efimets M.A. (2020) «Mir» kak universal'nyi kul'turno-tsivilizatsionnyi kontsept ["Peace" as a universal cultural and civilizational concept]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2(94), pp. 64-73.
2. Gorlova I.I., Zorin A.L., Kovalenko T.V. (2021) Sovremennye vyzovy i ugrozy natsional'noi bezopasnosti Rossii v sfere kul'tury [Modern challenges and threats to Russia's national security in the sphere of culture]. *Sbornik materialov kruglykh stolov «Prognoziruemye vyzovy i ugrozy natsional'noi bezopasnosti rossiiskoi Federatsii i napravleniya ikh neutralizatsii»* [Collection of materials from round tables "Predicted challenges and threats to national security of the Russian Federation and directions for their neutralization."]. Moscow: IMTs Publ.
3. Kondakov I.V. (2022) Dialog «voiny» i «mira» v russkoi kul'ture [Dialogue of "war" and "peace" in Russian culture]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog* [Philosophical letters. Russian-European dialogue], 5 (2), pp. 169-186.

4. Levitskii V.S. (2020) Konkurenciya al'ternativnykh proektov tsivilizatsionnogo razvitiya i rol' institutov ontologicheskoi otvetstvennosti [Competition of Alternative Projects of Civilizational Development and the Role of Institutions of Ontological Responsibility]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual Problems of Europe], 1, pp. 32-45.
5. Muza D.E. (2021) Tsivilizatsionnaya kontseptsiya A.S. Panarina i problemy aktual'nogo miropoliticheskogo protsessa [Civilization Concept of A.S. Panarin and Problems of the Current World Political Process]. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya* [Problems of Civilizational Development], 3 (2), pp. 5-19.
6. Napalkov S.V. (ed.) (2019) *Russkii mir: dinamika nauchnogo pozvaniya: sb. nauchnykh statei uchastnikov Mezhdunarodnoi konferentsii* [Russian World: Dynamics of Scientific Knowledge: Collection of Scientific Articles by Participants of the International Conference]. Arzamas: Arzamas branch of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.
7. Nikonov V.A. (ed.) (2010) *Smysly i tsennosti Russkogo mira: sbornik statei i materialov kruglykh stolov, organizovannykh Fondom «Russkii mir»* [Meanings and Values of the Russian World: Collection of Articles and Materials from Round Tables Organized by the Russian World Foundation]. Moscow: Fond «Russkii mir» Publ.
8. Popkov V.D. (2021) Russkii mir. Filosofskie ramki ponimaniya problemy [Russian World. Philosophical Framework for Understanding the Problem]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 7, pp. 27-37.
9. Rakova K.V. (2021) Stolknovenie ili sotrudnichestvo tsivilizatsii, Aktual'nye otsenki zapadnymi spetsialistami kontseptsii S. Khaningtona [Clash or Cooperation of Civilizations, Current Assessments by Western Experts of S. Hanington's Concept]. *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya* [Problems of Civilizational Development], 3 (2), pp. 20-50.
10. Sinetskii S.B. (2019) Universal'nye priority i tsivilizatsionnye paradigmy kul'turnoi politiki v XXI veke [Universal Priorities and Civilizational Paradigms of Cultural Policy in the 21st Century]. *Politika i kul'tura: problemy vzaimodeistviya v sovremennom mire* [Politics and Culture: Problems of Interaction in the Modern World]. Budapest: Selmeczi Bt; Kirov: Raduga-Press Publ.
11. Sinetskii S.B. (2020) Tsivilizatsionno-kul'turnaya paradigma v XXI veke: dualizm, balans, dialektika [Civilizational and cultural paradigm in the 21st century: dualism, balance, dialectics]. In: Lushnikova A.V. (ed.) *Materialy mezhdunarodnogo nauchno-tvorcheskogo foruma «Sovremennaya deistvitel'nost' skvoz' prizmu kul'turologicheskogo znaniya»* [Proc. Int. Forum "Modern reality through the prism of cultural knowledge"]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Institute of Culture, pp. 90-101.
12. Smetanina S. Zapreshchayut muzyku Chaikovskogo, travyat russkikh detei [Tchaikovsky's music is banned, Russian children are poisoned]. *Russkii mir* [Russian world]. Available at: <https://russkiymir.ru/publications> [Accessed 02.06.2024)].
13. Sukharev Yu.A. (2018) Perspektivy sovremennogo «miroustroistva» v kontekste global'nykh kul'turnykh transformatsii [Prospects of modern "world construction" in the context of global cultural transformations]// *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities], 9 (801), pp. 386-402.